

УДК [130.2:2-36]:929 Федотов

Потапов В. М.

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

АГИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. П. ФЕДОТОВА

В статье рассматривается метод агиографического анализа кризисных явлений в культуре, предложенный Г. П. Федотовым. Анализируется влияние на развитие культуры религиозной традиции, в работах Г. П. Федотова. Выявляется связь догматических искажений религиозной традиции, упадка культуры и кризисных явлений в общественно-политической жизни социума, на основе трудов Г. П. Федотова. Анализируется роль свободы личности в достижении морально-нравственного идеала – святости.

Ключевые слова: культура, религия, свобода, святость.

Стаття присвячена розгляду методу агіографічного аналізу кризисних явищ в культурі, запропонований Г. П. Федотовим. Аналізується вплив на розвиток культури релігійної традиції, в роботах Г. П. Федотова. Виявляється зв'язок догматичних спотворень релігійної традиції, занепаду культури і кризисних явищ в суспільно-політичному житті соціуму, на основі праць Г. П. Федотова. Аналізується роль свободи особи в досягненні морально-етичного ідеалу – святості.

Ключові слова: культура, релігія, святість, свобода.

In the article the method of hagiographic analysis of the crisis phenomena in a culture by G. P. Fedotov is examined. Influence on development of culture of religious tradition is analysed, in works of G. P. Fedotov. Connection of dogmatic distortions of religious tradition, decline of culture and crisis phenomena in publicly and political life of society comes to light, on the basis of works by G. P. Fedotov. The role of individual freedom in achievement moral ideal – holiness is analysed.

Keywords: culture, religion, freedom, holiness.

Целью данной статьи является попытка исследования агиографического метода анализа кризисных явлений в культуре, предложенного Г. П. Федотовым. Исходя из этого, в *задачи* статьи входит исследование особенностей понимания Г. П. Федотовым культуры, ее фундаментальных положений, истоков, связей культуры и духовной традиции. *Степень разработанности и изучения* наследия выдающегося публициста, философа и культуролога Г. П. Федотова достаточно высока. Прежде всего, это работы биографического характера (Е. Н. Федотова, Г. В. Михеева). Следующая группа сочинений – работы, посвященные публицистике ученого (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Ф. А. Степун). В советский период творчество Г. П. Федотова практически не изучалось. В постсоветский период, в работах В. Ф. Бойкова, М. Г. Галахтина и др. предпринята попытка дать общую характеристику религиозно-философских взглядов ученого. Еще одна группа работ Д. Бон, Е. А. Волкова и др. посвящена отдельным проблемам, получившим отражение в творчестве мыслителя. *Новизна* данной статьи, заключается в попытке автора выявить и обосновать действенность и *актуальность* метода агиографического анализа культуры, и кризисных явлений в общественно-политической жизни социума, предложенного Г. П. Федотовым.

Певцом свободы называли Г. П. Федотов и современники, и потомки. Действительно, тема свободы личности красной нитью проходит через все его творчество. Философ различает «свободу духа» (свободу печати, вероисповедания, мнений) и «свободу тела» (защиту права собственности и пр). Будучи верующим христианином, он, тем не менее, замечает, что далеко не всегда Церковь защищала и ту, и другую свободу. «Силы, открыто религиозные, – отмечал он, – великие исторические церкви в новое время редко принимают участие в борьбе за свободу. Чаще всего они оказываются в лагере врагов свободы» [3, с. 113]. Не разделял Г. П. Федотов популярных в православной среде его современников мнения о сакральности власти: «Идеократия есть грубая форма идолослужения, принудительное почитание государства-зверя» [6, с. 148]. Г. П. Федотов считал, что политическим строем, наиболее отвечающим христианству, является демократия. Особенность христианской демократии, по

Г. П. Федотову, состоит в том, что она охраняет личность от поглощения коллективом, поэтому она и является способом реализации соборности. Однако православный мир, по его мнению, пошел по другому пути: «Есть некоторое противоречие в том, что православие, столь враждебное монархическому (папскому) началу в Церкви, как несовместимому с соборностью, не только благословляло, но часто и готово было догматизировать монархию в государстве» [2, с. 146].

Г. П. Федотов объясняет эти ошибки Церкви так: «Церковь сама строила священство – на началах соборности, и нашла данным выросшее на языческом корню царство, которого не смогла преобразовать, а стремилась лишь подчинить своему влиянию. Но если бы ей пришлось, как на Западе в средние века, строить новую власть из развалин старого мира, можно ли сомневаться, что – при наличии необходимых предпосылок культуры – она строила бы ее на началах соборности, т. е. на началах христианской демократии?» [2, с. 146]. Однако эти «необходимые предпосылки» не были найдены. Виной тому, по мнению философа, специфика христианизации Руси. Согласно Г. П. Федотову, одну из коренных причин рутинизации культурной и политической традиции Руси следует искать в отсутствии философско-богословской рефлексии. «Убожество интеллектуальной культуры древней Руси просто поразительно. В течение семи столетий – то есть до XVII века мы не находим ни следа научной мысли в русской литературе, – даже ни одного догматического трактата. Вся литература носила практический, морально-наставнический характер, за исключением летописей, художественная ценность которых живо подчеркивает в силу контраста – полное отсутствие научной культуры» [4, с. 47]. Как считал ученый, Русь не восприняла классической греческой культуры, в то время как Запад ключом своего спасения сделал латынь [4, с. 48].

С точки зрения развития рационального мышления: «Библия и литургия на славянском языке оказались сомнительным подарком русской культуре» [4, с. 49]. Обратившись к истории становления Руси, мы обнаруживаем, что после некоторой стабилизации христианских практик на уровне храмостроительства, богослужения, распространения института монашества и расширения христианского просвещения, новая религия Руси начинает брать на себя ряд системообразующих культурных функций – ценностную, регулятивную и семиотическую. Тем самым она становится нормосозидающим началом жизни древнерусского общества. Это можно проследить по ряду памятников древнерусской письменности («Поучение» Феодосия Печерского, «Поучение» Владимира Мономаха). Но, как показывает Г. П. Федотов, сутью христианства является не норма, как таковая. В основе духовной практики христианства – трансцендентный идеал, который требует коренной онтологической перестройки человека, что лежит за пределами нравственного императива и дано как венец возможных усилий человека. Причем результат этих усилий, в конечной своей фазе, зависит уже не от человека. Парадоксальная христианская логика превращает идеал в императив, в основе которого – требование совершенства. Поэтому Древнюю Русь Г. П. Федотов понимает через образы святости как предельную цель культурного творчества, а типологию культуры – через типологию святости. В подобной картине мира высшие цели и ценности определяются образом Совершенного, а сама человеческая жизнь становится опытом достижения идеала святости – обоженного состояния.

В соответствии с культурно-исторической концепцией Г. П. Федотова, до XV века наблюдается восходящий вектор в развитии духовно-нравственного самосознания человека культуры Древней Руси. Норма содержит потенцию идеала и устремляется к своему высшему выражению – в древнерусских святых. Но уже на этапе стабилизации культурного мира Древней Руси двойственность нормы-идеала демонстрирует инверсионную логику развития: идеал оказывается привязанным к норме социального порядка, «законсервированным» укладом, который выражает не трансцендентный идеал святости, а идеальную норму бытового благочестия. Как считает Г. П. Федотов, «роковой гранью» стала середина XVI века. «Еще вторая четверть этого столетия обнаруживает значительные духовные силы (девять святых в первой четверти, тринадцать – во второй). Но к середине века уходит из жизни поколение учеников преподобных Нила и Иосифа. К пятидесятым годам относится разгром заволжских скитов. Вместе с ними угасает мистическое направление в русском иночестве. Иосифлянство торжествует полную победу. Но оно явно оказывается неблагоприятным для развития духовной жизни. Среди учеников преподобного Иосифа мы находим много иерархов, но не

одного святого. 1547 год – год венчания на царство Ивана Грозного – в духовной жизни России разделяет две эпохи: Святую Русь от православного царства» [5, с. 352]. В этом контексте примечательна мысль Г. П. Федотова, называющего победу сторонников Иосифа Волоцкого «трагедией древнерусской святости». В понимании философа – разгром заволжских скитов последователей Нила Сорского, событие не только религиозного характера и масштаба. Г. П. Федотов убежден, что победа иосифлянства, провозглашение Москвы третьим Римом, сакрализация царской власти и вообще власти, революция и победа большевизма – это звенья одной цепи. В этом примере мы наблюдаем чрезвычайную оригинальность метода исследования Г. П. Федотова – ученого. Совершенно очевидно, что в этом примере Г. П. Федотов исходной точкой, точкой отсчета деградации культуры Древней Руси, считает событие религиозно-политического, а не культурного характера.

Продолжая свои размышления о причинах упадка древнерусской святости в начале XVI века, философ указывает на приобретенную русской религиозностью характерную черту – замещение духа формой, поиска истины – готовой и неизменяемой традицией. Так, по его словам, «в религиозной жизни Руси надолго устанавливается тип уставного благочестия, который поражал всех иностранцев» [5, с. 352]. Подобная, с точки зрения ученого, деградация религиозного сознания ведет к вырождению культурных и социально-политических форм жизни. «Наряду с этим жизнь, как семейная, так и общественная, все более тяжелеет. Если для Грозного самое ревностное обрядовое благочестие совместимо с утонченной жестокостью, то и вообще на Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью. Те отрицательные стороны быта, в которых видели влияние татарщины, развиваются особенно с XVI века. XV рядом с ним – век свободы, духовной легкости, окрыленности, которые так красноречиво говорят в новгородской и ранней московской иконе, по сравнению с позднейшей. Ныне уже ясно, что основной путь московского благочестия вел к старообрядчеству» [5, с. 352].

И снова мы констатируем органическую связь в учении Г. П. Федотова между культурным упадком (деградацией иконографической традиции Руси) и стагнацией религиозной жизни (замещение духа формой). Фактически, второе является следствием первого. Еще одной причиной упадка древнерусского религиозного сознания и, как следствие, начала деградационных процессов в культуре, Г. П. Федотов видит в национализации христианства. Он замечал, что с XVI века происходит чрезвычайно симптоматичный процесс отрыва от полноты исторического предания. Ветхозаветное царство воскресает в новозаветной истории, государство превращается в церковь, царь – в теократического владыку, главу духовного ордена, народ – в его паству. Эсхатологическая идея третьего Рима трансформируется в религиозно-политическую доктрину национального государства, не обладающего атрибутами имперского универсализма. Попытка патриарха Никона восстановить полноту исторического предания через идею возвращения к греческим основам веры, заканчивается катастрофой – невиданным до тех пор старообрядческим расколом. Петр I предпринял попытку через идею империи преодолеть цивилизационное отставание и, следовательно, реанимировать принцип универсальности культуры. Однако этот процесс осуществлялся на основе ветхозаветной идеи власти, имеющей сакральную легитимность. Поэтому в рамках империи остается доминирующим чуждый ей архетип царства с образом царя-помазанника, в сущности являющегося и духовным и светским главой государства – церкви. Культурный результат такой попытки – закрепление духовной традиции в ее архаическом обрамлении культуры рода и культуры древнего царства с чертами восточной деспотии. Следствие этого – не только деградация церковного сознания, но и длительность сохранения института экономической, и личной зависимости подавляющего большинства населения государства. Катастрофический разрыв между властью и обществом, буквальное существование двух культур («рабов» и «господ») в рамках одного исторического социума, неразвитость социальных и экономических отношений привели к идейному и духовному расколу элиты.

Другой аспект, анализируемый Федотовым, связан с отношением государства и церкви в рамках социальной структуры империи. Византийская симфония властей была нарушена явным подчинением церкви государству, но при этом, в целом, продолжала социальную модель византийской империи, основанную на рабстве. Аналогом византийской системы рабства стала

крепостная система. Характеризуя религиозный византизм, Г. П. Федотов отмечал: «После нескольких серьезных попыток преобразования и христианизации народной жизни в течение первого столетия после Константина, Церковь как бы истощилась в усилиях и оставила бесполезную борьбу. Освящение всей жизни стало символическим благословением, а не действительным ее преобразованием. Рабство было не только одним из основных социальных институтов, но и совершенной моделью всех социальных отношений. Каждый человек был раб вышестоящих и господин подчиненных» [4, с. 45]. Следствием узаконенного рабства является жесткая иерархия общества, унаследованная Русью. Г. П. Федотов нашел яркий пример в святоотеческой литературе, подтверждающий его мысль. Анализируя концепцию спасения Кирилла Туровского, он писал: «Антигуманистическое византийское богословие непосредственно формирует представление о строго иерархической структуре общества. Согласно Псевдо-Дионисию Ареопагиту, небесной иерархии соответствует иерархия церковная, опирающаяся в свою очередь на социальную или политическую. Что действительно поражает у Кирилла и типично если не для теоретической мысли, то для жизненного уклада Византии, это – подмена небесной иерархии церковной и претензии гражданской иерархии на место в Царствии Божиим» [4, с. 83]. Таким образом, по Кириллу – трудности спасения достаются малым мира сего, а «путь ко спасению власть предержавших легок» [4, с. 84].

Агиографический анализ современных Г. П. Федотову общественно-политических нестроений, приводит ученого к выводу о первопричине потрясших Русское общество катаклизмов – роковому отождествлению православной традиции культуры с государственно-политическим традиционализмом империи. Указанное обстоятельство, по мнению Г. П. Федотова, привело к отказу от культуры как источника творчества и свободы. Культурно-политическая идеологема, выражаемая знаменитой формулой «православие – самодержавие – народность», не объединила общество, но трагическим образом разъединила его, приведя к катастрофе. Преодоление современных Г. П. Федотову вызовов и общественных нестроений он усматривал в возврате цивилизации к своим культурным корням, и как следствие – изменению общественно-политических отношений.

Что касается первого, то необходимо понять, что именно Г. П. Федотов собственно вкладывал в понятие «культура». В понятие «культура» Г. П. Федотов вкладывал элементы рациональные (хозяйство, политика, наука, техника) и иррациональные (мир духовный), соответствующие у Федотова отцовскому и материнскому началу. Основное внимание он сосредотачивал на последнем. Г. П. Федотова, в первую очередь, интересует духовная культура. Исследование глубинных связей культуры и веры. Таким образом, философ акцентирует внимание на сакральном, религиозном смысле культуры, утверждая, что «культура народа вырастает из религиозных корней» [1, с. 64]. Ее основой Г. П. Федотов рассматривает культ, т. е. религиозный фундамент, каковым для европейской культуры является христианство. Культура у Федотова рассматривается, как «социальная сфера духа», свободная гармония личных творческих актов. Создателем ее является человек, поставленный между Богом и космосом, но Богом вдохновленный на культурное творчество [2, с. 235]. Рассматривая культуру как сферу самореализации человека, философ использовал антропологический подход. В то же время он акцентировал внимание на мистической природе культуры, тесно связанной с божественными озарениями и вдохновениями. Он не разделял крайностей ни антропоцентрического гуманизма, ни радикального теоцентризма. Религия для Г. П. Федотова – отношение человека к Богу, ответ на божественную благодать. Для него «культура христианства – культура этого опыта. История и культура, по сути, человечны» [4, с. 10].

Г. П. Федотов не признавал исторический детерминизм, и предлагал иные пути выхода из культурного и общественно-политического кризиса современной ему Европы. По Г. П. Федотову, спасение культуры, освобождение от кризисных явлений современной ему Европы, заключалось в очищении, в необходимости духовного катарсиса, в новой аскезе. Изложенный мыслителем вариант спасения базировался на убеждении о тесной связи культуры и веры, о происхождении культуры из лона религиозной традиции, без которой первая не может существовать. Поэтому объединение народов вокруг этой доминанты – живой религии, рассматривалось философом как реальный путь освобождения от кризисных явлений современной ему цивилизации. Г. П. Федотов, не бывший сторонником монархии и вообще не

слишком много внимания уделявший общественно-политическому государственному устройству, в результате глубоко изучения культуры и агиографии, начинает задаваться вопросом о наиболее справедливых общественно-политических формах устройства государства. В 1933 г. он опубликовал статью «Социальное значение христианства». В ней философ рассуждает об оптимальном общественно-политическом мироустройстве: «Так как общественный строй не безразличен для духовного и морального благополучия людей, так как он может или развращать, соблазнять их, или воспитывать к добру, то отсюда ясно: социальный строй не может быть безразличен для христианина. К какому же строю он должен стремиться? К такому, где более всего воплощена справедливость и братские начала жизни, где легче всего борьба со злом и где личность поставлена в наиболее благоприятные условия для своего духовного развития» [7, с. 55].

Отвечая на вопрос о том, что это за условия, ученый однозначно указывает на социалистические взаимоотношения в социуме: «спасти правду социализма правдой духа и правдой социализма спасти мир» [1, с. 41]. Конечно, идеалом ученого был не атеистический, советский социализм. Его философ социализмом вообще не считал. Г. П. Федотов проповедовал иной социализм – христианский: «В противоположность XIX веку, когда социализм был пугалом для христианства всех исповеданий, неустанно обличаемой ересью, в наши дни примирение христианства с социализмом совершается с чрезвычайной легкостью. Большинство русских, так называемых пореволюционных течений, возникает на почве социального православия. Стоило поблекнуть миру капиталистической долговечности – и стало сразу явным, как глубоко социализм укоренен в христианстве: в Евангелии, в апостольских общинах, в древней церкви, в самом монашестве, в социальном служении средневековой, как западной, так и восточной церкви. Выясняется окончательно, что социализм есть блудный сын христианства, ныне возвращающийся – по крайней мере, отчасти – в дом отчий» [6, с. 140].

Будущее возрождение европейской культуры Г. П. Федотов связывал именно с социализмом, отмечая значительные изменения, произошедшие в обществе в понимании этого явления: «XIX век понимал под социализмом национализацию средств производства. Немногие социалисты в наши дни согласятся принять это определение» [7, с. 97]. Не принимал его и Г. П. Федотов – слишком, по его мнению, национализация дискредитировала себя. Ученый предлагает культурологический критерий социализма – «осуществление единой всенародной культуры» [7, с. 100].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотов Г. П. Собрание сочинений: [в 12-ти т.] / Г. П. Федотов. – М.: Мартис, 2004. – Т. 1. – 347 с.
2. Федотов Г. П. Собрание сочинений: [в 12-ти т.] / Г. П. Федотов. – М.: Мартис, 2004. – Т. 2. – 376 с.
3. Федотов Г. П. Собрание сочинений: [в 12-ти т.] / Г. П. Федотов. – М.: Мартис, 2004. – Т. 9. – 384 с.
4. Федотов Г. П. Собрание сочинений: [в 12-ти т.] / Г. П. Федотов. – М.: Мартис, 2004. – Т. 10. – 400 с.
5. Федотов Г. П. Собрание сочинений: [в 12-ти т.] / Г. П. Федотов. – М.: Мартис, 2004. – Т. 11. – 367 с.
6. Федотов Г. П. Основы христианской демократии / Г. П. Федотов // Русские философы (конец XIX – середина XX века): [антология]. – М.: Книжная палата, 1996. – Выпуск 3. – С. 140-148.
7. Федотов Г. П. Письма о социализме / Г. П. Федотов // О святости, интеллигенции и большевизме: [избранные статьи]. – СПб.: Изд.-во Санкт-Петербургского университета, 1994. – С. 51-100.